

С. В. ГЛУШКОВ, А. В. БАЙДАК (Томск)

О ДИАЛЕКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЧЕТЫРЕХ ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН М. А. КАСТРЕНА

Abstract. Dialectal Affiliation of Four Selkup "Heroic Songs" by M. A. Castrén
The article describes an attempt to determine the dialectal affiliation of four Selkup texts, the so-called heroic songs. These texts were recorded in the middle of the XIX century by the Finnish scientist M. A. Castrén. Our analysis revealed the affiliation of all four texts to one dialect area. According to the linguistic data the language of the four songs correlates with the modern Sheshkup dialect. In addition, there are significant features of the central dialects, bringing it close to the modern Chumlykup dialect, in particular to its Tym vernacular.

Keywords: Selkup dialects, heroic songs, M. A. Castrén.

Наследие выдающегося лингвиста М. А. Кастрена еще ожидает своего исследования; не все языковые материалы, записанные им, проанализированы, в частности, это касается отдельных диалектных особенностей селькупского языка. Такой анализ способствовал бы более точному установлению характеристик и границ селькупских диалектов в пространстве и во времени, а также более полному выяснению языковых изменений и исторического развития селькупского языка. Цель публикации — попытка определить диалектную принадлежность четырех текстов т. н. героических песен, записанных в середине XIX в. М. А. Кастреном.

Селькупский язык, начиная с ранних источников, фиксируется разделенным на множество весьма своеобразных диалектов и говоров. На основании географического принципа в селькупском языке выделяются северная, центральная и южная группы диалектов. В северную группу входят четыре диалекта: среднетазовский, верхнетазовский, ларьякский (верхнетолькинский), баишенский. Селькупы — самоназвание северной группы — было переосмыслено как название всего этноса. К центральной группе относятся тымский, васюганский и нарымский диалекты. Южная группа диалектов включает среднеобской, чаинский, кетский и чумлькупский диалекты (подробнее см. Глушков, Байдак, Максимова 2011).

К настоящему времени селькупский фольклор остается недостаточным исследованным, это в полной мере относится к фольклорным текстам четырех героических песен на южном наречии селькупов. Попробуем представить их предварительный анализ.

Все четыре текста записаны М. А. Кастреном в 1845 г. (или в 1846) Точное место записи неизвестно, как и то, были ли они записаны в одном месте или в разных: в Нарыме, или Тогуре, или Молчаново, по пути следования М. А. Кастрена вверх по Оби до Томска. О времени записи можно судить, имея в виду, что в Нарым М. А. Кастрен прибыл 25 сентября по старому стилю, в Тогур к Рождеству, а в Молчаново на масленицу (Castrén, Lehtisalo 1960 : 3). Т. Лехтисало полагает, что материалы с пометой МО (среднеобский) «[---] были без сомнения записаны в деревне Тогур» (Castrén, Lehtisalo 1940). Впервые тексты героических песен опубликованы в Castrén 1855; публикация подготовлена Антоном Шифнером, позднее в Castrén, Lehtisalo 1940. Небольшой отрывок из первой песни с некоторыми комментариями и его фонологической транскрипцией представлен в Katz 1979. Очевидно, что с рукописями текстов, которые хранятся в библиотеке университета Хельсинки, работал Я. К. Алалато при подготовке селькупского словаря (Alatalo 2004). Некоторые данные позволяют предположить, что в рукописных текстах имеются варианты или фрагменты песен, или по крайней мере отдельные словоформы, отличающиеся от до сих пор опубликованных. Здесь тексты героических песен представлены в транслитерации по Castrén 1855.

Особенностью текстов является участие героев-богатырей, сражающихся друг с другом, что и определяет их жанровую специфику. Наличие ритмизации ставит их на особое место в селькупском фольклоре. В основе сюжета — борьба между богатырями из разных мест. Один из богатырей ворует жену у другого, это не одобряют его пять братьев, которые опасаются мести мужа украденной женщины. Опасения оправдываются, муж украденной женщины прилетает на птице и мечом рубит всех — самого похитителя и его братьев. Особое внимание уделяется подробно и яркому описанию сражений богатырей.

Что касается обстоятельств записи и точной диалектной привязки четырех южноселькупских песен, то они до сих пор не выяснены. Для предварительного исследования предлагаются следующие вопросы: 1) принадлежат ли четыре текста одному языковому ареалу — диалекту селькупского языка (по возможности, принадлежат ли все они речи одного информанта); 2) какой диалект или какие диалекты селькупского языка представляют данные тексты?

На первый вопрос можно ответить положительно. В текстах всех песен отражены особенности, прежде всего фонетические, которые позволяют считать язык каждой песни тождественным языку любой другой песни из данного квартета.

1) Формы со значениями 'отец(-), отц-' и 'папа' в первом тексте представлены только основой *äs-* 'отец(-), отц-', во втором — преимущественно *až-* 'папа', но и *äs-* 'отец(-), отц-', в третьем — преимущественно *äs-*, но и *až-*, в четвертом — не представлены. Примеры:

- (1а) 1/4 *äsendäne äwendäne šet üdenžak* 'к отцу, к матери отправлю тебя'
 (1б) 1/29 *äst äramba* 'ее отец состарился'
 (1в) 2/16 *ažen māt čanžak* 'в папин дом я вошел'
 (1г) 2/81 *ästet stoglat enne wašek* 'ее отец из-за стола поднялся'
 (1д) 3/91 *äsend äwend mī kuassut* 'отца и мать мы убили'

Основа со значением 'мать' представлена в первом и третьем текстах в виде *äw-*, как видно из примеров (1а) и (1д).

2) Основа со значением 'семь' представлена во втором, третьем и четвертом текстах в двух вариантах — с ауслатным гласным и с ауслатным согласным *sēlžē/sēlž*, в первом тексте только с ауслатным согласным *sēlž*. Примеры:

(2а) 2/367 *sēlžē pōgand oralambage* 'семь лет они боролись'

(2б) 2/388 *sēlžē pōgand kondalbak* 'семь лет я проспал'

(2в) 3/52 *sēlžē čēl* 'семь дней'

(2г) 3/213 *sēlž čēl* 'семь дней'

(2д) 4/161 *sēlžē čēl* 'семь дней'

(2е) 4/153 *sēlž čēl* 'семь дней'

(2ж) 1/110 *sēlž pōgand* 'семь лет'

В трех текстах слово со значением 'семь' представлено в обоих вариантах, выбор варианта, как кажется, ничем не обусловлен; они употребляются достаточно близко друг к другу; невозможно вычленить какие-либо отрывки, в которых употреблен только один вариант.

3) Использование существительного в единственном числе после числительного 'два' и более для выражения множественности, что характерно для всех четырех текстов. Примеры:

(3а) 1/53 *šede mādur* 'два богатыря'
два богатырь

(3б) 2/58 *nāgur mādur* 'три богатыря'
три богатырь

(3в) 2/170 *šede mādur* 'два богатыря'
два богатырь

(3г) 3/152 *šet sāru mādur* 'двадцать богатырей'
двадцать богатырь

(3д) 3/184 *mukten mādur* 'шесть богатырей'
шесть богатырь

(3е) 4/60 *sombla mādur* 'пять богатырей'
пять богатырь

4) Использование только и исключительно формы *enne* 'вверх' во всех четырех текстах (1/28, 1/142, 2/4, 2/13, 2/41, 2/82, 2/86, 2/93, 2/94, 2/110, 2/124, 2/364, 2/378, 2/393, 2/413, 3/37, 3/42, 3/145, 3/273, 3/303, 4/154, 4/168), только и исключительно формы *ille* 'вниз' во всех текстах (1/18, 1/127, 2/10, 2/39, 2/69, 2/181, 2/286, 2/369, 2/382, 3/19, 3/43, 3/59, 3/61, 3/66, 3/68, 3/138, 3/252, 4/82, 4/94, 4/164). Ср. возможные в других диалектах формы типа *inne*, *innä*, *ennä* 'вверх', *elle*, *illä* 'вниз'.

5) Основы со значениями 'прийти, приходиться' с гласным *ō* (*ö*) и 'спускаться' с гласным *ü* (*ü*) встречаются во всех четырех текстах (1/38, 1/64, 1/84, 1/98, 1/101, 1/113, 1/127, 1/141, 2/20, 2/21, 2/23, 2/24, 2/58, 2/60, 2/69, 2/73, 2/74, 2/84, 2/90, 2/96, 2/181, 2/205, 2/262, 2/286, 2/297, 2/316, 2/365, 2/376, 3/11, 3/17, 3/19, 3/59, 3/61, 3/63, 3/86, 3/88, 3/101, 3/111, 3/120, 3/122, 3/129, 3/130, 3/131, 3/154, 3/156, 3/165, 3/174, 3/176, 3/186, 3/196, 3/245, 3/252, 4/6, 4/19, 4/22, 4/31, 4/37, 4/38, 4/44, 4/59, 4/77, 4/82, 4/94, 4/97, 4/107, 4/109, 4/118, 4/121, 4/127, 4/132, 4/164). Обе основы употребляются в текстах достаточно близко друг от друга.

6) Использование показателя инструменталиса в форме *-se* во всех четырех текстах. Следует отметить разнообразие вариантов этого показателя в селькупских диалектах (Беккер 1978 : 141—142). Примеры:

(4a) (1/53) *ande-se* 'лодкой'
лодка-INSTR

(4б) 2/231, 2/252, 2/259, 2/317, 3/93, 3/113, 3/125, 3/133, 3/160 4/123
teage-se 'мечом'
меч-INSTR

7) Использование сходных форм числительного со значением 'два' во всех текстах. Форма *šede* 'два' во всех текстах, и только она возможна в первом и четвертом (1/30, 1/38, 1/53, 1/63, 1/69, 1/72, 2/165, 2/170, 2/175, 2/250, 2/260, 2/303, 2/318, 2/350, 2/415, 3/16, 3/65, 3/223, 4/62, 4/71, 4/114, 4/137); форма *šed* 'два' только во втором и третьем текстах (2/89, 2/91, 2/96, 2/97, 2/104, 2/104, 3/229, 3/306); форма *šet* 'два' — тоже только во втором и третьем текстах (2/355, 3/152).

8) Использование основы со значением 'женщина-, женский' только в форме *nä-* во всех четырех текстах, например: 1/1, 2/26, 3/3, 4/1; для основы со значением 'сестра' в большинстве случаев характерна та же огласовка, в отдельных случаях употребляется более узкий *-e-*.

Очевидно, что все четыре южноселькупские песни, записанные М. А. Кастреном, принадлежат к одному диалектному подразделению селькупского языка. В противном случае весьма сложно объяснить те сходства, которые наблюдаются в языке каждой песни. Вероятно, что М. А. Кастрен записывал у одного лица или группы лиц, находящихся в тесном общении, например, в одной семье (что часто бывает в практике полевой работы). Все четыре песни можно отнести к одному источнику, а особенности каждого текста воспринимать как особенности их в совокупности.

Перейдем ко второму вопросу — о диалектной принадлежности текста песен. Ответить на него значительно сложнее, чем на первый. Необходимо иметь в виду возможность языкового сдвига, дрейфа, изменений диалектов с течением времени. В опубликованных записях М. А. Кастрена имеются, кроме прочих, диалектные атрибуты N (нарымский) и MO (среднеобский). Возможно, что в его рукописях есть и другие атрибуты — именно на эту мысль наводят пометы в словаре Я. К. Алатало: C Mskr (Тум), C (Nm), C Iv (Алатало 2004). Возможно, что в рукописях имеются и точные указания на диалектную принадлежность четырех песен южного наречия. В любом случае, по опубликованным данным известно, что М. А. Кастрен к нарымскому диалекту относил и тымский ареал (Castrén, Lehtisalo 1960 : 3). Х. Катц вслед за Т. Лехтисало полагал, что язык песен наиболее близок нарымскому диалекту (Katz 1979 : 54—55). В данном случае Х. Катц, конечно, ведет речь о «нарымском» диалекте в понимании М. А. Кастрена, по мнению которого, нарымский диалект включал ареал Тыма. Нет никаких сомнений, что Х. Катц не отождествлял язык песен с *h*-диалектами — Нарым, Парабель, Кенга, Васюган, Чижалка, Ласкино и пр., следовательно, остается возможность отождествлять язык песен с другими не-*h* «нарымскими» диалектами, т. е. с современными говорами Тыма.

По имеющимся сведениям можно предложить две конкурирующие гипотезы о принадлежности песен а) шёшкупскому ареалу (близкоговору современного Иванкино); б) чумьлькупскому ареалу (близко современным тымским говорам). Сформулируем некоторые соображения, которые позволяют с большой уверенностью идентифицировать язык песен с шёшкупским диалектом, учитывая возможность второй, хотя и менее аргументированной версии.

1. Совершенно очевидно, что язык песен нельзя отождествить ни с сюсюкумским (ни с кетским, ни с верхнеобским), ни с тьюкумским диалектами, в целом, ни с каким ярко выраженным южным и крайне южным диалектом. Хотя имеются отдельные, совершенно спорадические черты, сходные с чаинским диалектом сюсюкумов (как кажется, в области гласных), большинство форм, однако, не позволяют отнести язык четырех песен к чаинскому диалекту, в частности, такие характерные формы: а) *anno-nd* — форма латива существительного 'лодка' вместо ожидаемого *addo-nd* в чаинском диалекте (1/161, 2/154, 2/158, 4/45, 4/53); б) многочисленные формы с основой *tömb-* (*tömbägu* 'приходить') при сохранении *-mb-* (1/38, 2/58, 2/262, 2/297, 2/316, 3/245, 4/22) вместо ожидаемого *-bb-* в чаинском диалекте; в) превалирование гласного *-ö-* в той же основе вместо ожидаемого более узкого *-ü-* в чаинском диалекте.

Данные морфологии не противоречат сделанным выводам. Во всех четырех песнях показателем множественного числа существительных и местоимений является формант *-la*. Примеры:

- 1/159 *tau-la-p* 'этих'
этот-PL-ACC
3/244 *madur-la* 'богатыри'
богатырь-PL
3/107 *mat čemma-la-m* 'мои братья'
1SG брат-PL-POSS.1SG
3/207 *ku-la-ut* 'наши люди'
человек-PL-POSS.1PL
4/3 *taba-la-t* 'их (многих)'
3SG-PL-GEN

Формы множественного числа на *-la* характерны как для обских говоров, так и для кетского диалекта. Кроме того, в кетском диалекте встречаются глагольные формы первого лица двойственного числа на гласный *-o*, например, в Зубреково:

me ill-o 'Мы (двое) живем'
мы жить-1DU-

Данное положение нехарактерно для текстов анализируемых песен.

2. То, что язык песен относится к центральным диалектам, а не к южным (ярко выраженным) убедительно показывает и употребление *š-*, а не *s-* в слове со значением 'соболь' в первом и во втором текстах:

- 1/12, 1/14 *šit kōb* 'соболя шкура'
2/180 *mādur šilžorgond* 'богатырь в обличье соболя'
2/68, 2/129, 2/210 *ši* 'соболь'

3. В пользу центрального ареала говорят также отмеченные формы *enne* 'вверх' и *ille* 'вниз', а не формы типа *inne*, *innä*, *ennä* 'вверх', *elle*, *illä* 'вниз', которые встречаются в других ареалах.

4. Наличие *s-*, а не *h-* (и не нуля звука) позволяет вслед за Т. Лехтисало и Х. Катцем отделить тексты песен от *h-*диалектов центрального ареала (Нарым, Васюган, Парабель, Кенга и др.): *sēlž* 'семь' (также *sēlžē* во втором, третьем и четвертом текстах), *sombla* 'пять', а не *homb-la*, *sūrup/sūrum* 'зверь, птица', а не *hūrup*, форма АСС *suoje-p* 'горло, шею' (2/371), а не *sōj-p*.

В то же время дифтонг в *suoje-p* представляет собой скорее «южную» особенность (см., например, таблицу соответствий гласных по материалам М. А. Кастрена в Glushkov, Tuchkova, Baidak 2004).

5. Уже отмечалась вариативность фонетического облика слова 'два'. Наибольшее разнообразие его вариантов находим во втором тексте: в порядке убывания частотности *šede*, *šed*, *šet* — что очень напоминает вариативность форм этого слова в тымском диалекте чумылькупов (центральный диалект).

6. Вариативность гоморганных смычных и сонорных в ауслауте, в частности, в показателях генитива и аккузатива (*-t/-n*, *-p/-m*) указывает на некоторый «промежуточный» статус языка четырех песен между центральными и южными ареалами. В качестве примера приведем варианты очень распространенного слова *gum/gup* 'человек': в свободном варьировании встречается во всех четырех текстах. Вариации с гоморганными смычными и сонорными могут быть весьма близко, иногда в соседних строках: *nālgum* (1/50)/ *nālgup* (1/51) 'женщина'. Из современных диалектов такой статус ближе всего соответствует диалекту шёшкупов с его наиболее известным иванкинским говором. Этот признак, конечно, нельзя абсолютизировать, так в тымском диалекте сонорный *-n* в форме генитива слова 'человек' также довольно распространен. Не надо сбрасывать со счетов, что диалект шёшкупов, хотя и классифицируется как южный диалект, имеет черты центральных диалектов и занимает промежуточное положение между «центром» и «югом».

Заключение

Все четыре текста, записанные М. А. Кастреном, принадлежат к одному диалектному подразделению селькупского языка. Весьма вероятно, что запись была произведена у одного лица или группы лиц, находящихся в тесном общении, например, у одной семьи. Все четыре песни можно отнести к одному источнику, а особенности каждого текста можно воспринимать как особенности всех текстов в совокупности. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют соотнести язык четырех песен с современным шёшкупским диалектом, не исключая возможность обнаружения дополнительных вкраплений некоторых особенностей, присущих более южным диалектам. В языке четырех песен представлены и особенности центральных диалектов, сближающие его с современным чумылькупским диалектом, а именно, с его тымским ареалом.

Всё это позволяет допускать, что часть того локального языкового феномена, которая зарегистрирована М. А. Кастреном в этих песнях, на

современном срезе «оформилась» как «среднеобский», а другая часть как «тымский». В данном случае это, конечно, не имеет отношения к вопросу о времени появления чумьлькупско-шешкупской дивергенции в селькупском языке.

Addresses

S. V. Glushkov
Tomsk Polytechnic University
E-mail: sglu2000@mail.ru

A. V. Baydak
Tomsk Polytechnic University
E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru

Сокращения

ACC — аккузатив; **DU** — двойственное число; **GEN** — генитив; **INSTR** — инструменталис; **PL** — множественное число; **POSS** — поссессив; **SG** — единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер, Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
Глушков, С. В., Байдак, А. В., Максимова, Н. П. 2011, Диалекты селькупского языка. — Селькупы. Очерки селькупского языка и культуры, Томск, 49—63.
Alatalo, J. 2004, Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo, Helsinki (LSFU XXX).
Castrén, M. A., Lehtisalo, T. 1940, Samojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu LXXXIII).
— 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
Castrén, M. A. 1855, Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen. Bearbeitet von Anton Schiefner, St. Petersburg.
Katz, H. 1979, Selkupische Quellen, Wien (Studia Uralica 2).
Glushkov, S., Tuchkova, N., Baydak, A. 2004 The Kenga Sub-Dialect of the Selkup Language. — Finnisch-ugrische Mitteilungen 26/27, 49—56.